

МК

Ив. А. Бунинъ.

ВЕЛГА.

СЪВЕРНАЯ ЛЕГЕНДА.

Съ иллюстраціями.

Изданіе

Книжнаго магазина

Торговаго дома

С. Курникъ и К^о.

Москва.

Верхніе торговые ряды,
Средній рядъ, № 120.

Ив. А. Бунинъ.

ВЕЛГА.

СЪВЕРНАЯ ЛЕГЕНДА.

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, соб. домъ.
1901.

МК XII.A.7
8

Дозволено цензурою. Москва, 17 ноября 1901 г.

ВЕЛГА.

СЪВЕРНАЯ ЛЕГЕНДА.

Видишь, как жалобно кричит чайка над шумящимъ, взволнованнымъ моремъ? Въ туманной дали, на западѣ, теряются его темныя воды; въ туманную даль, на сѣверъ,

уходитъ каменистый берегъ. Холодно и вѣтрено. Глухой шумъ зыби, то ослабѣвая, то усиливаясь,—точно ропотъ сосноваго бора, когда по его вершинамъ идетъ и разрастается буря, — глубокими и величавыми вздохами разносится вмѣстѣ съ криками чайки... Видишь, какъ одиноко и безпріютно вьется и бѣлѣтъ она въ тускломъ осеннемъ

туманѣ, качаясь по холодному вѣтру на упругихъ крыльяхъ?

Это къ непогодѣ. Ночью разыграется сильная буря.

День съ самаго утра началъ хмуриться. Холодно, пасмурно, и ужъ наступаютъ сумерки. Здѣсь, на этомъ непривѣтливомъ сѣверномъ морѣ, на его пустынныхъ островахъ и побережьяхъ, почти круглый годъ печальнае осенью. Теперь же осень, а сѣверъ еще печальнае осенью. Море угрюмо вздулось и становится темно-бутылочнаго цвѣта. Издали пелена его кажется выше, чѣмъ берегъ, и необозримою, суровою картиной уходитъ она въ туманный просторъ на западъ, а вѣтеръ все быстрѣе гонитъ съ запада волны и далеко разноситъ крики чайки.

— Кри-э! — жалобно и пронзительно звучитъ по вѣтру.

Утромъ она безпокойно и криво носилась надъ самымъ прибоемъ. Море непрерывно крутящимися валами окаймляло весь берегъ. Здѣсь оно, налетая на него съ разбѣга, цѣлмы водопадами клубящейся пѣны съ грохотомъ и шумомъ рыло подъ собой гравій; тамъ, какъ кипящее молоко, милліонами прыдающихъ толкачиковъ рассыпалось съ ни-

пѣнемъ на камни и широко взлизывалось на берегъ, но тотчасъ же скользило, какъ стекло, назадъ, подпирая собою новый крутящійся валъ, а вдаль расшибалось о кам-

ни и высоко взвивалось на воздухъ. И далеко гудѣлъ весь берегъ отъ прибоя... Чайка съ крикомъ бросалась между волнами, плавно соскальзывала внизъ по водѣ въ ихъ ухабы, выносила на новой волнѣ до высо-

каго гребня и взлетала, вся въ брызгахъ и пѣнѣ. Вѣтеръ вольно носилъ ее низко надъ моремъ...

Но потомъ она словно устала. Надвигается ненастный вечеръ, и ужъ безсильно качается чайка по вѣтру, все дальше уходитъ, бѣля въ туманѣ, отъ берега въ море... Слышишь, какъ жалобно раздаются ея радостныя стenanія?

Вонъ она уже еле-еле видѣется въ сумракѣ. Быстро спускается темная, бурная ночь; чаще и чаще то тамъ, то здѣсь мелькаютъ въ морѣ сѣдыя космы пѣны. Шумъ прибоя растеть, ледяной вѣтеръ вздымаетъ и бѣшено срываетъ ихъ, обдавая водяною пылью и рѣзкимъ запахомъ моря. Гулъ прибоя растеть, и весь берегъ во мракѣ бѣлѣетъ, какъ снѣгъ...

— Кри-э!.. — доносится откуда-то издалека, снизу.

Это мечется скорбная чайка. Слушай, я расскажу тебѣ, подъ шумъ бующаго сѣвернаго моря, старую сѣверную легенду...

ыло это давно, въ незапамятное время.

У холоднаго сѣвернаго моря жила молодая и сильная Велга. На закатъ передъ

ней были воды, на востокъ — только песчаный берегъ, близко за селеніемъ сходявшійся съ небомъ. Что было тамъ, къ востоку, — Велга не знала и не хотѣла знать. Она никогда не ходила къ востоку. Не ходилъ и отецъ ея, не ходила и мать, не ходила и старшая сестра, Снеггаръ. Они знали только море.

Возлѣ моря проходило и дѣтство Велги. Быстро проходило оно, и весело было ей въ дѣтствѣ! Зимой, когда море только подъ самымъ краемъ неба чернѣло волнами, а у

береговъ было покрыто бѣлымъ снѣгомъ, Велга спала въ мягкомъ гагачьемъ пуху и, просыпаясь, видѣла передъ собой веселый свѣтъ очага среди темной и низкой хижинны. Лѣтомъ, когда свѣтитъ солнце, дуетъ теплый вѣтеръ, и вода легко плещется въ морѣ, Велга искала на пескахъ яички зуйковъ и плавунчиковъ, или бѣгала къ прибою, ложилась ничкомъ, головой къ побережью, а волны съ шумомъ обдавали ее сверху... Такъ забавлялась она лѣтомъ, и всегда съ Велгой были и Ирвальдъ и Снеггарь.

Толстая Снеггарь часто смѣялась и пѣла, да не умѣла она такъ звонко кричать и такъ смѣло кидаться въ шумящее море, какъ Велга. Но Ирвальдъ умѣлъ. Онъ былъ веселъ и ловокъ и не боялся Велги. А Снеггарь боялась.

— Отчего ты не братъ мнѣ, Ирвальдъ? — сказала ему Велга. — Отчего у меня нѣтъ брата, котораго я любила бы такъ, какъ тебя, Ирвальдъ? Я бы не скучала безъ тебя долгую зиму.

Онъ взглянулъ на нее, улыбнулся и вдругъ кинулся къ морю.

— Смотри, смотри: гагара! — закричалъ онъ ей. — Давай поймать!

И они, какъ вѣтеръ, гнались другъ за другомъ, убѣгали туда, гдѣ въ прибрежныхъ пещерахъ звонко раздается голосъ, гдѣ у берега громоздятся высокія скалы, а тяжелая вода съ шумомъ поднимается и скользитъ между ними, шипитъ и кипитъ, опускаясь, и съ журчаньемъ, струями сливается съ плоскаго камня. Тамъ дразнили они волны, близко подбѣгая къ нимъ, и, усталые, засыпали крѣпкимъ, счастливымъ сномъ...

Зачѣмъ такъ быстро прошло дѣтство Велги?

Но и потомъ еще долго радовалась она. Все петербургское проводила она долгія зимы въ хижинѣ, занесенной снѣгомъ. Стало ей четырнадцать лѣтъ, а Ирвальду — шестнадцать, и часто уѣзжалъ онъ теперь за рыбой въ море. Но зато какъ радовалась Велга, когда Ирвальдъ возвращался!

— Милый Ирвальдъ, — говорила она ему, — мнѣ хочется плакать, что такъ долго тебя не было, и хочется смѣяться, что опять вижу тебя!

Но ужъ выросла и Снеггарь большая. И Ирвальдъ забывать сталъ о Велгѣ. Онъ часто сидѣлъ возлѣ Снеггарь и глядѣлъ въ ея веселое лицо. А Велга издали наблюдала за ними... Не хотѣлось ей при сестрѣ разгова-

ривать съ Ирвальдомъ. Но когда онъ уходилъ по берегу къ своему дому, Велга догоняла его и провожала до самаго порога.

— Милый Ирвальдъ,—говорила она ему,— зачѣмъ ты такъ долго сидишь возлѣ Снеггаръ? Зачѣмъ горе мѣшаетъ моей радости?

И стала Велга одна на берегу моря пѣть звонкія и веселыя пѣсни сквозь слезы. А когда съ ней встрѣчались подружки, она замолкала, и лицо ея становилось сурово и гордо.

и жина отца Велги стояла одиноко, вдалекѣ отъ рыбацьяго селенья, на каменистомъ прибрежьи, засыпанномъ жесткими песками, и, въ часы прилива, море широкими, разлатыми

волнами добѣгало почти до ея порога.

Если же приливъ былъ въ бурю, то оно хлестало даже въ окна, затянутыя кишками гагары. Тогда Снеггаръ обрывала веселую пѣсню, бросала въ испугѣ работу и уходила подальше отъ оконъ. Старая мать Велги бормотала заклятiя и съ тревогой прислушивалась къ завыванью вѣтра. Но сама Велга не боялась бури. Она вмѣстѣ съ отцомъ выходила на мокрый порогъ хижины, скатывала на вѣтру сѣти, а потомъ вбѣгала въ воду, и

холодная вода, поднимаясь и опускаясь, обнимала и мыла ее босые ноги, обдавала их кипящею, сѣрою пѣной и опутывала морскими блѣдно-зелеными травами. Она разрывала их ногами и вдыхала сильною грудью свѣжій, влажный вѣтеръ, поднимала навстрѣчу ему голову, а вѣтеръ трепалъ ее русые волосы. Такъ стояла она, молодая и стройная, и лицо ее было смѣло и весело, а бирюзовые глаза зорко противъ бури глядѣли вдаль. Но только птицы св. Петра носились тамъ кривливыми стаями и по водѣ взбѣгали, распустивъ крылышки, на самые высокіе гребни взметывающихся и разсыпающихся водяныхъ бугровъ...

На что же смотрѣла Велга?

Дѣвушки стали называть ее печальною и злою, потому что никогда не смѣялась Велга попусту и не шѣла съ сестрой за работой. Но никогда до пятнадцати лѣтъ не бывала Велга печальною и злою. Сердце ее было весело и отважно, какъ у молодой птицы, и радовалась Велга на бури и море, на солнце и землю, на свою дѣвичью свободу. Только грустила она безъ Ирвальда, потому что сильно хотѣлось ей разсказать ему, какъ хорошо жить на свѣтѣ...

А Ирвальдъ ужъ давно былъ въ морѣ. Утомилась Велга ходить по побережью и слѣдить за волнами; хотѣлось ей крикнуть черезъ все море, что утомилась она ожидать Ирвальда, что нельзя ему любить Снеггарь, если Велга уже не можетъ жить безъ него...

А когда подулъ теплый вѣтеръ съ заката, и стало опускаться къ морю солнце, Велга пришла къ сестрѣ и сказала ей:

— Милая Снеггарь, хочешь, я разскажу тебѣ, какъ ласковъ лѣтній вѣтеръ, какъ легко пахнетъ море, и какъ мнѣ грустно безъ Ирвальда?

— Не хочу, — отвѣчала Снеггарь, праздно и спокойно сидя у порога.

Велга отвернулась и ушла отъ нея. Она шѣла на берегу, опустивъ голову, и долго слушала, какъ плещется теплая вода въ сумеркахъ. Слезы, какъ теплая вода, падали на ее руки.

Вдругъ подѣхалъ Ирвальдъ. Она вскрикнула, а онъ засмѣялся и приказалъ ей носить изъ лодки рыбу и сѣти на берегъ. Она послушно и долго трудилась съ нимъ, смущенно разспрашивая его, куда онъ ѣздилъ; а когда сталъ подниматься надъ моремъ большой, блѣдный мѣсяцъ, она утомилась, шѣла

въ пустую лодку и вздохнула ночнымъ вѣтромъ.

— Ирвальдъ, — сказала она, — знаешь, я часто плакала безъ тебя. Я быстро ходила по берегу, и безпокойно билось и томилось мое сердце. Но, когда ты пріѣхалъ, мнѣ стало такъ легко и весело!

Но Ирвальдъ молча сидѣлъ на кормѣ и глядѣлъ на мѣсяцъ. Стыдно стало Велгѣ, что онъ не отвѣтилъ ей, и она, опустивъ глаза, спросила его тихо:

— Ты слышалъ мои слова, Ирвальдъ?

— Да, — сказалъ Ирвальдъ.

И тогда совсѣмъ низко наклонила Велга голову и проговорила Ирвальду:

— Возьми меня въ свой домъ, Ирвальдъ! Я буду ѣздить съ тобой въ море, буду всегда веселою для тебя, буду пѣть тебѣ пѣсни и работать съ тобой. Такъ хорошо жить на свѣтѣ, когда я съ тобой!

— Мы никогда не будемъ жить съ тобой, — отвѣчалъ ей Ирвальдъ. — Я буду жить со своею женой, Снеггарь. Завтра я опять уѣду въ лодкѣ, а когда вернусь, возьму за руку Снеггарь и уведу ее въ свое жилище. Тамъ проведемъ мы зиму, а лѣтомъ услышемъ, какъ двѣ гадары, въ море.

— А я? — медленно сказала Велга и почувствовала, какъ тяжело застучало ея сердце. — Я останусь одна? — громко сказала Велга и поднялась на ноги въ лодкѣ.

— Да, — отвѣтилъ Ирвальдъ.

Тогда Велга быстро прыгнула на берегъ и быстро пошла по берегу въ южную сторону. И когда далеко ушла туда, кинулась на сѣрый камень и закричала мѣсяцу, что ей больно въ сердцѣ, и зарыдала, и упала на камень.

Слышишь, какъ дико завываетъ вѣтеръ во мракѣ?.. Непривѣтливо сѣверное море!

Три дня и три ночи пролежала на берегу Велга, обезсиленная горемъ, а на четвертое утро уже наступила осень, и зашумѣли въ тускломъ туманѣ отяжелѣвшія волны. И когда пахнуло на Велгу холоднымъ вѣтромъ, вскочила она и бросилась въ воду. Но волна поднялась и далеко отшвырнула ее на берегъ.

— Море не хочетъ, чтобъ я умерла, — сказала себѣ Велга. — Прежде я должна убить Ирвальда.

И молча возвратилась она домой.

Высохли на щекахъ ея слезы, и спокойно было ея суровое лицо, но темно на сердцѣ.

— Снеггарь,—сказала она сестрѣ,—уѣхалъ Ирвальдъ?

— Да,—отвѣчала равнодушно Снеггарь.

— Когда вернется онъ?—спросила Велга.

— Когда начнетъ падать мокрый снѣгъ, и потемнѣетъ море,—отвѣчала Снеггарь.

Тогда Велга съѣла рыбы и ушла на порогъ хижины. Тамъ съѣла она на вѣтру и просидѣла весь день, скорбно сдвинувъ брови. На ночь она вернулась подъ кровлю, а утромъ опять вышла за двери, ожидая Ирвальда. И такъ проводила она дни и ночи, пока не пошелъ первый мокрый снѣгъ.

«Скоро вернется Ирвальдъ,—думала Велга, и сладостная горечь обиды и злобы томительно вливалась въ ея сердце.—Я убью его, а потомъ и сама успокоюсь въ могилѣ».

Но Ирвальдъ не возвращался. Ужъ надвигались сумерки, и все чаще стала Велга подниматься съ порога и, стоя, напряженно глядѣть въ море. А на морѣ еще никогда не поднималось такой яростной бури! И въ сумерки изъ хижины вышелъ старый отецъ Велги. Онъ былъ могучъ, какъ старый утесъ среди моря, но лицо его было печально въ этотъ вечеръ, и вѣтеръ развѣвалъ его длинные, сѣдые волосы.

— Велга, дитя мое,—сказалъ онъ ласково,—отчего ты покинула родную хижину? Посмотри, поднимается зловѣщая ночная буря, передъ которой неутѣнно тоскуетъ сердце человѣка. Помоги мнѣ укрѣпить подпорками стѣны, положить камней на ихъ кровлю изъ кожи тюленей, и укроюся подъ кровлей отъ непогоды и ночи.

Отъ такихъ словъ дрогнуло сердце Велги жалостью къ самой себѣ, къ отцу и къ Ирвальду. Она поспѣшно стала помогать въ работѣ. Вѣтеръ валилъ ихъ съ ногъ и застилалъ весь воздухъ водяною пылью, словно въ морѣ бушевала вьюга. Въ самыя окна хижины хлестали волны косматою пѣной, и въ испугѣ Велга поспѣшила за отцомъ подъ кровлю.

Тамъ, въ темнотѣ ночи, вдругъ вспомнила она, какъ много лѣтъ назадъ, когда Ирвальдъ былъ еще ребенкомъ, онъ остался ночевать, застигнутый бурей, въ ихъ хижинѣ. Онъ былъ въ эту ночь ея гостемъ, и она сама постлала ему постель и поцѣловала его, по обычаю гостепрѣимства, передъ сномъ. Она вспомнила веселое, милое ей, лицо его, и еще больше овладѣли ея сердцемъ жалость и любовь къ нему. Тогда она, забывъ, что

хотѣла убить его, быстро встала съ ложа и въ тревогѣ стала слушать. Ей чудились въ шумѣ вѣтра его крики, и всю ночь трепетала она отъ страха и, обезсиленная, забылась сномъ лишь подъ утро.

Море же стало стихать; въ воздухѣ повѣяло дыханіемъ зимняго мороза. Но когда Велга проснулась и отворила на дневной свѣтъ дверь дома, навстрѣчу ей переступила порогъ Снеггарь.

— Велга! — сказала она и заплакала горькими слезами. — Буря унесла Ирвальда на дикіе острова Ледяного моря и разбила его лодку. Онъ одинъ теперь въ морѣ и ждетъ смерти отъ холода, голода и толстыхъ клювовъ морскихъ птицъ.

— Кто сказалъ тебѣ? — крикнула Велга.

— Я была у вѣщей Чарны, и она гадала мнѣ на кишкахъ гадары, — отвѣчала Снеггарь и, закрывъ лицо руками, опустилась съ рыданіями на свое ложе.

— Снеггарь!.. — вѣжно хотѣла проговорить Велга.

Но брови ея сурово сдвинулись, и она сильною рукой распахнула дверь дома.

— Молчи! — твердо сказала она. — Я люблю и ненавижу тебя!

на быстро пошла по побережью на сѣверъ. Въ холодный, темный вечеръ вступила она въ хижину Чарны, теплую отъ костра, пылающаго краснымъ пламенемъ.

— Научи меня, о, вѣщая! — воскликнула она передъ Чарной. — Укажи путь къ Ирвальду!

— Поспѣши! — сказала Чарна. — Два дня и двѣ ночи надо плыть къ Ирвальду. Не поспѣешь къ разсвѣту третьяго дня, — оиъ погибнетъ. Но скажи мнѣ, Велга, слыхала ли ты о пустыняхъ Ледяного моря, гдѣ такъ же дико и печально, какъ и въ первые дни міра?

Можешь ли ты навѣки покинуть родную хижину?

Какъ пойманная рыба, затренивало сердце Велги, но съ пылающимъ лицомъ она отвѣтила Чарнѣ:

— Пожалѣй меня, Чарна! Я молода, и мнѣ грустно разстаться съ жизнью. Но, если такъ надо, скажи только, что́ будетъ со мною?

— Два дня и двѣ ночи проведешь ты въ тоскѣ и страхѣ, среди моря, — сказала Чарна. — А когда ступишь на островъ, гдѣ томится Ирвальдъ, обратишься ты въ чайку, и не узнаетъ онъ, для кого ты погибла. Таково поведѣнiе рока.

Какъ первый снѣгъ, поблѣднѣла Велга, но глаза ея сверкнули радостью, и она отвѣчала Чарнѣ:

— Я иду, Чарна!

— Поспѣши, — сказала Чарна, — уже кровавая полоса зари меркнетъ за моремъ подъ черными тучами.

Противъ вѣтра, по мокрому песку прибрежья побѣжала Велга къ шумящему, темному морю. Хотѣлось ей крикнуть «прости» сестрѣ, отцу и матери, но безпокойно билась у берега лодка на волнахъ, и быстро прыгнула въ нее Велга. На закатъ, гдѣ едва

свѣтила кровавая полоса зари, направила она лодку, и стояла, качаясь на волнахъ, и сле-

зы горѣли на ея глазахъ, а вѣтеръ развѣвалъ въ темнотѣ ея бѣлую одежду и дулъ въ лицо съ Ледяного моря.

на летѣла, какъ чайка. Сердце ея сжималось отъ боли, въ ожиданіи гибели, но все-таки ве хотѣло оно вѣрять, что не узнаетъ Ирвальдъ, для кого она погибла.

И жутко стало Велгѣ, когда на разсвѣтѣ увидала она себя окруженной блѣднымъ, холоднымъ моремъ, у песчаного, пустынного острова. Никого не было на томъ островѣ. Только вода взбѣгала на его песокъ, и бѣлѣли края ея пѣной. «Водяные пастушки», на высокихъ и тонкихъ ногахъ, бѣгали у прибоа и искали среди раковинъ пищи. Но и «водяныхъ пастушковъ» было мало. Они по-

чти всѣ улетѣли на зиму къ берегамъ, гдѣ дуютъ теплые вѣтры. И еще нѣживѣ загрустило сердце Велги.

А Ледяное море уже начиналось. Цѣлый день плыла Велга, и вступила въ тѣ безграничныя воды, что уходятъ на край свѣта и сливаются съ небомъ. Все тяжелѣе стучали волны въ дно лодки, потому что уже нѣтъ земли подъ тѣми волнами. Самыя дикія сѣверныя птицы живутъ въ тѣхъ моряхъ, вдали отъ людей, на скалистыхъ островахъ. Онѣ сильны и одѣты плотнымъ пухомъ; онѣ всю зиму могутъ плавать среди льдовъ и глубоко ныряютъ въ ледяную воду. Тысячи ихъ гнѣздились на островахъ, и каждый островъ, какъ снѣгомъ, бѣлѣлъ птицами. Тамъ были ихъ гнѣзда на уединенныхъ утесахъ и въ порахъ, подъ утесами.. И въ сумеркахъ проплыла Велга мимо самаго большого острова.

Онъ весь, сверху донизу, былъ покрытъ, какъ сѣрою корой, засыхающимъ пометомъ птицъ, ихъ перьями и пухомъ. Птицы длинными рядами сидѣли на всѣхъ уступахъ скаль. Внизу гнѣздились тѣ, которыя были поменьше, наверху стояли и дремали самыя большія и прозорливья, съ бѣлыми животами и черными спинами, съ толстыми ше-

ями и маленькими головами, съ блестящими глазами въ кольцахъ благаго пуха и съ огромными, уродливыми клювами, съ крѣпкими, грубыми лапами и короткими руками безъ пальцевъ. Птицы громко и злобно разговаривали, а какъ только наступили сумерки, и Велга, обезсиленная борьбой съ морознымъ вѣтромъ, причалила къ берегу на отдыхъ, тысячи ихъ поднялись съ шумомъ надъ нею, а самыя большія загоготали и заревѣли дико и радостно, стараясь перекричать другъ друга... И, какъ снѣгъ, поблѣднѣла Велга, собрала послѣднія силы и опять прыгнула въ лодку.

Она снова летѣла, какъ чайка... Ледяной туманъ окутывалъ ее мглой, плывя отсюда, гдѣ море сливается съ небомъ. Но уже не плакала и не грустила Велга теперь. Она трепетала отъ скорби предъ гибелью и отъ радости за Ирвальда.

И къ вечеру послѣдняго дня показался среди сѣдого и пасмурнаго тумана высокій и дикій утесъ на краю свѣта, — тотъ, до котораго доходили только могучіе викинги и вбили въ него желѣзные кольца, чтобы привязывать лодки. Яростный шумъ и гулъ буруновъ сливался тамъ съ тысячеголосными

криками хищныхъ птицъ, кружившихся въ туманѣ. А Ирвальдъ лежалъ у прибоя, обезсиленный предсмертнымъ сномъ отъ холода и голода. Онъ былъ блѣденъ, какъ морская

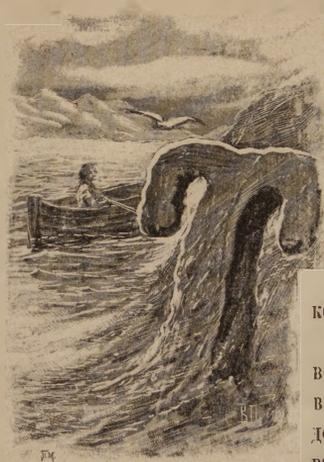

пѣна, и въ кудряхъ его былъ мокрый песокъ.

— Ирвальдъ! — крикнула Велга въ отчаяніи скорби и радости.

Отъ звука ея голоса мгновенно очнулся

Ирвальдь. Хотѣла Велга крикнуть ему, что она любить его, какъ въ дѣтствѣ, но не коснулись ея ноги земли, когда она прыгнула съ лодки на берегъ: въ воздухѣ повисла она бѣлою чайкой на крыльяхъ, и крикъ ея раздался жалобно-радостнымъ крикомъ чайки надъ Ирвальдомъ. Онъ мгновенно очнулся отъ крика, — голосъ друга коснулся его сердца, — но, взглянувъ, онъ увидѣлъ лишь бѣлую чайку, взлетѣвшую съ крикомъ надъ лодкой...

какъ погибла Велга, и возвратился къ жизни тотъ, кого она любила.

Онъ уплылъ на востокъ. Она долго вилась надъ водой, провожая Ирвальда. А когда

онъ сокрылся вдали, закачалась она безпріютною чайкой по вѣтру. Такъ тоскуетъ она и донынѣ, кричитъ къ непогодѣ, вспоминая утесы въ туманѣ, гдѣ когда-то томился Ирвальдь...

Но въ стenanьяхъ ея звучитъ радость...

Въ морѣ бури бушуютъ, скорби жизнь омрачаютъ, и гибнутъ, какъ въ морѣ, въ страданіяхъ люди. Непривѣтливо грозное море, много въ жизни страданій, но великая радость въ великомъ страданіи за брата!

II. 3393.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ИЗДАНИЯ
книжного магазина Торг. Дома „С. Курнинъ и К^о“

Москва, Верхніе торговые ряды, Средняя линия, № 120.

ДЛЯ ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ.

К. Баранцевичъ.

Подъ крыломъ. Ц. 30 к.

И. Бунинъ.

Полевые цвѣты. Ц. 1 р. 25 к.

Бэкеръ Рэй-Станардъ.

Путешествіе по дну морскому.

Цѣна 30 к.

Жидкій воздухъ. Ц. 25 к.

Лучи Рентгена. Ц. 30 к.

Телеграфъ безъ проволоки.

Цѣна 25 к.

Вериго.

Въ лѣсу. Ц. 1 р. 25 к.

Изъ рассказовъ не сказокъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Гриммъ брат.

Полное собраніе сказ. въ 25 вып.

Цѣна cadaго вып. 20 к.

П. В. Засодимскій.

Камни заговорили. Ц. 5 к.

Въ зимнія сумерки. Ц. 1 р. 50 к.

Въ лѣсу. Ц. 25 к.

Первый русскій печатникъ Иванъ
Федоровъ. Ц. 15 к.

Въ Зырянскомъ краю. Ц. 25 к.

Рыба съ крыльями. Ц. 20 к.

Царствованіе Алексѣя Михайло-
вича. Ц. 25 к.

Въ пріютѣ. Ц. 25 к.

Сказанія объ исчезнувшихъ го-
родахъ. Ц. 25 к.

Тайны стариннаго замка. Ц. 25 к.

Джордано Бруно. Ц. 25 к.

Шахъ Надиръ и мудрецъ Али
Керимъ. Ц. 25 к.

Дѣдушка Павелъ Михайловичъ.
Цѣна 25 к.

Шемарданъ. Ц. 25 к.

Пѣсенка о соловьяхъ. Ц. 25 к.

Огненный лѣсъ. Ц. 25 к.

Земля и ея жизнь.

Общедоступныя книжки подъ ре-
дакт. А. А. Ивановскаго.

Вѣчный снѣгъ и ледъ. Ц. 10 к.

Солнце. Ц. 10 к.

Вулканы. Ц. 10 к., и другія.

А. Кизеветтеръ.

Петръ Великій за границей.

Цѣна 10 к.

С. Князьковъ.

Какъ сложилось и какъ пало
крѣпостное право. Ц. 15 к.

В. Короленко.

Рѣка играетъ. Ц. 12 к.

С. Курнинъ.

Что читать дѣтямъ. Ц. 60 к.

К. Лукашевичъ.

Старый Памфиличъ. Ц. 25 к.

На большой дорогѣ. Ц. 30 к.

Баринъ и слуга. Ц. 25 к.

Бѣднота. Ц. 25 к.

Ужасные дни. Ц. 25 к.

Тихонъ Михайловичъ. Ц. 25 к.

Завѣтное окно. Ц. 20 к.

Изъ предмѣстья. Ц. 25 к.

Холодное сердце. Ц. 60 к.

Мишка. Ц. 25 к.

Журка. Ц. 25 к.

Болтливая рѣдька. Ц. 25 к.

Е. Некрасова.

Плодовый садъ. Ц. 15 к.

Няня Аксюша. Ц. 25 к.

ИНВ. М.К. IV - 3224

Н. Позняковъ.

Канцеляристъ. Ц. 25 к.
Киця. Ц. 20 к.
Въ сельской школѣ. Ц. 25 к.
Дѣти золотой глуши. Ц. 20 к.
Амишка на раздольѣ. Ц. 25 к.
Плѣнники. Ц. 20 к.

Природа и люди Россіи.

Общедоступныя книжки подъ редакціей **А. А. Ивановскаго.**

Буряты. Ц. 10 к.
Якуты. Ц. 10 к.
Амурскій край. Ц. 10 к.
Прибалтійскій край. Ц. 10 к.
Чукчи. Ц. 10 к.
Великоруссы. Ц. 40 к.
Аварцы. 10 к.
Тунгусы. Ц. 20 к.
Киргизы. Ц. 20 к.
Туркмены. Ц. 10 к., и другія.

Е. Смирновъ.

Былинка.
Сборникъ стихотвореній для дѣтей младшаго и средняго возраста. Цѣна 60 к.

Колось.

Сборникъ стихотвореній для дѣтей старшаго возраста. Ц. 60 к.

К. Станюковичъ.

Вокругъ свѣта на Коршунѣ, въ обложкѣ цѣна 2 р., въ папкѣ—2 р. 25 к., въ переплетѣ—2 р. 75 к.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія для ученическихъ, младшаго и средняго возрастовъ, библиотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ, учительскихъ семинарій, городскихъ училищъ, а равно для народныхъ бесплатныхъ читалень. 24 августа 1901 г. № 22423.

Похожденія одного матроса, въ обложкѣ цѣна 1 р. 75 к., въ папкѣ—2 р., въ переплетѣ—2 р. 50 к.

Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ средняго и старшаго возрастовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій Министерства и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читалень. 18 сентября 1901 г. № 24685.

Нянька. Ц. 40 к.

Н. Телешовъ.

Елка Митрича. Ц. 25 к.
Бѣлая цапля. Ц. 25 к.

Уйда.

Снѣгирь. Ц. 30 к.

А. Ульяновъ.

Старый башмакъ. Ц. 10 к.
Корноушка. Ц. 15 к.
Заячья елка. Ц. 15 к.
Друзья. Ц. 25 к.
Волчокъ. Ц. 25 к.
Мышка. Ц. 20 к.

В. Фромъ.

Завоеваніе Мексики. Ц. 6 к.
Константинопольскія собаки.
Цѣна 25 к.

М. Юрьева.

Тетя-мама. Ц. 25 к.
Снѣгурочка. Ц. 80 к.
Павликъ. Ц. 30 к.

В. Михеевъ.

Фрося и Пестрянка. Ц. 30 к.
Въ школьной ночлежной. Ц. 25 к.

Жизнь пещернаго человѣка.

Съ американскаго перевелъ **Н. С. К—овъ.** Ц. 1 р. 50 к.

Цѣна 20 к., въ папкѣ 35 к.

